

Цзинь Ян внезапно вмешалась:

— Моя школа медицины превосходит всех в мире, а мой старший брат — один из лучших.

Император глубоко посмотрел на Цзинь Ян, затем на Цзинь Жань и кивнул:

— Это хорошо.

Цзинь Жань также спокойно взглянула на Цзинь Ян, ничего не сказала, достала из рукава белоснежный платок, положила его на тонкое запястье драгоценной наложницы Ли и, слегка прикоснувшись двумя пальцами, через несколько мгновений убрала руку и кивнула:

— Моя кровь действительно может спасти драгоценную наложницу Ли.

Выражения лиц присутствующих изменились, а несколько лекарей, увлечённых медициной, с трудом скрывали своё волнение.

Император Юэ слегка расслабился, но Цзинь Жань продолжила:

— Однако мне нужно будет лично проводить процедуры, и в течение семи дней я должна буду находиться рядом с ней безотлучно. Поэтому на эти семь дней я должна буду поселиться во внешнем зале дворца Баосян, и во время процедур никто не должен быть рядом.

Император сначала удивился, затем, помолчав, с глубоким взглядом кивнул:

— Если это спасёт драгоценную наложницу Ли, то я прошу тебя, наследница Цзинь.

С этими словами он резко повернулся и вышел из зала, бросив на ходу:

— Все, выходите!

Чжансунь Циму, спрятавшая руку в рукаве, сжала и разжала ладонь, взглянула на Цзинь Жань и, увидев, что та не смотрит в её сторону, медленно последовала за императрицей.

— Пожалуйста, останьтесь, старшая принцесса Цзинь, — вдруг произнесла Цзинь Жань, стоя у кровати, и, заметив, как Чжансунь Циму замедлила шаг, добавила:

— И лекарь Ван тоже останется.

Император махнул рукой в знак согласия, и Чжансунь Циму, слегка замешкавшись, вышла вместе с остальными, остановившись у края зала. Внутри остались Цзинь Ян и лекарь Ван, с разными выражениями на лицах.

Цзинь Жань сначала посмотрела на Цзинь Ян, затем обратилась к лекарю Вану, обсудила с ним симптомы драгоценной наложницы Ли и, ответив на несколько вопросов старого учёного, попросила его принести коробку с иглами для акупунктуры. Удовлетворённая, она проводила лекаря Вана.

Открыв коробку с иглами, она провела пальцами по ряду серебряных игл, выбрала одну, тщательно продезинфицировала её и, глядя на раскалённый кончик, спокойно спросила:

— Ты имеешь отношение к сегодняшним событиям?

Цзинь Ян, следившая за её движениями, вдруг улыбнулась:

— Ты согласишь мне, если я скажу?

Цзин Жань подняла глаза и, вонзив иглу в ладонь, спокойно ответила:

— Скажи правду, и я поверю.

Цзинь Ян помолчала, затем произнесла:

— После того как я прибыла в Циньюэ, я не общалась с моей тётей.

Вынув иглу из ладони и найдя нужную точку на теле драгоценной наложницы Ли, Цзин Жань, стоя спиной к ней, кивнула:

— Я поняла. Выходи.

Цзинь Ян слегка приоткрыла губы, но ничего не сказала, молча посмотрела на неё и вышла из зала.

Чжансунь Циму, стоявшая у деревянной колонны, вдруг подняла глаза и взглянула на Цзинь Ян, вышедшую из зала, слегка сжав тонкие губы.

Через полчаса Цзин Жань вставила иглу обратно в коробку, глубоко вдохнула и позвала:

— Пожалуйста, позовите девятую принцессу.

Император глубоко посмотрел на Чжансунь Циму и кивнул. Чжансунь Циму, сжав ладонь, открыла дверь зала.

Цзин Жань стояла у кровати драгоценной наложницы Ли, её взгляд был спокоен и сосредоточен на её слегка холодном и очаровательном лице. Услышав лёгкие шаги, она обернулась и, оглядев стоящую в десяти шагах человека, вдруг улыбнулась и мягко спросила:

— Ты беспокоилась обо мне?

Чжансунь Циму слегка сглотнула, ничего не сказав, её спокойный взгляд скользил по фигуре Цзин Жань.

Цзин Жань, видя, что она всё ещё не двигается, приподняла бровь, подошла к ней, подняла руку с крошечной ранкой от иглы и, слегка наклонив голову, подмигнула:

— Я использовала совсем немного крови, всё в порядке.

Чжансунь Циму всё ещё молчала. Цзин Жань, глядя на неё, вздохнула:

— Ты знаешь, что драгоценная наложница Ли не должна умереть, иначе это даст Ули повод для нападения, и если Ганьцю вмешается, Циньюэ окажется в безнадёжном положении.

— Я знаю, — твёрдо кивнула Чжансунь Циму, её голос был слегка хриплым. — Но я не хочу, чтобы тебя использовали.

— Пусть это будет ради дома князя Дэциня, — с лёгкой улыбкой ответила Цзин Жань, её взгляд опустился на её слегка дрожащую руку, и она приподняла брови. — Ты получила внутренние травмы?

Прежде чем Чжансунь Циму успела отрицать, в ладони Цзин Жань появилась маленькая ярко-красная пилюля, цвет которой напоминал красный лак, а аромат наполнил комнату.

Пилюля теплого аромата была не просто средством от простуды, она знала это.

— Это я дала тебе, — опутив глаза, Чжансунь Циму покачала головой, отказываясь.

Цзин Жань, не терпящая возражений, взяла пилюлю и поднесла её к её губам, голос её стал мягче:

— Не упрямясь. Если Ули действительно замышляет недоброе, кроме тебя, никто не сможет сдержать Цзинь Ян.

Чжансунь Циму посмотрела на неё, слегка замешкалась, затем наклонилась вперёд, её мягкие губы слегка коснулись пальцев Цзин Жань, и она взяла пилюлю. В тот же миг её рот наполнился ароматом.

Её тёплые губы слегка коснулись кончиков пальцев Цзин Жань, и она едва заметно вздрогнула. Не обжигающая температура, казалось, прошла через всё её тело и достигла самого сердца.

Цзин Жань слегка изменилась в лице.

Чжансунь Циму, однако, этого не заметила, просто покорно смотрела на её пальцы, пока пилюля полностью не растворилась, затем вдруг пошевелила носом, и её взгляд стал сложным.

Цзин Жань, глядя на её шевелящийся нос, вдруг вспомнила аромат пудры в башне Хуэйчунь, который мог пропитать даже прохожих, не говоря уже о том, что она провела там целый день, а затем поспешила прямо во дворец.

...

— Ты тоже дала ей? — вдруг спросила Чжансунь Циму, её спокойный взгляд был направлен на Цзин Жань.

— Эм... что? — очнувшись, Цзин Жань поняла, о чём она, и, рассмеявшись, мягко ответила. — То, что ты мне дала, я не отдам ей. Она сама хорошо разбирается в медицине.

Чжансунь Циму, казалось, была довольна её первыми словами, её ясные глаза смягчились, но, услышав последние, снова нахмурились, и уголки губ слегка опустились.

... Цзин Жань, глядя на её детское выражение, невольно улыбнулась, и её рука инстинктивно потянулась, чтобы коснуться её тонкого носа, но она вовремя остановилась.

Эх, вот это да...

— Выходи, — подражая манере Цзян Байси, она размашисто взмахнула рукавом и вышла вперёд. Чжансунь Циму молча последовала за ней.

Император, обернувшись, увидел их и спросил:

— Всё в порядке?

Цзин Жань покачала головой:

— Если продолжить процедуры, всё будет в порядке. Не останется никаких последствий, и в будущем она сможет снова иметь детей.

Услышав о детях, император с болью в глазах взглянул на неё. Цзин Жань подумала, действительно ли император скорбит или просто играет роль, и если играет, то для кого?

— Тогда я прошу тебя, наследница Цзин, остаться во дворце Баосян на это время. Я сразу же распорядюсь о размещении, — кивнул император, затем, приняв официальный тон, объявил:

— Восьмая принцесса проявила неосторожность, а наложница Дуань не смогла должным образом воспитать дочь. Они отправляются в родовой храм для размышлений, и после расследования будет принято решение. Девятая принцесса Чжансунь Циму вела себя неподобающе, нарушила этикет перед императором и будет заключена в зале Лююнь на десять дней, но может выходить по вызову.

Восьмая принцесса и наложница Дуань покорно приняли указ, а Чжансунь Циму оставалась спокойной.

Цзин Жань удивилась, подумав, что император всё же благоволит Чжансунь Циму. Если бы такая вина, как драка во дворце и разрушение зданий, была возложена на другого члена императорской семьи, его могли бы сослать в далёкие земли.

Но для Чжансунь Циму десятидневное заключение в её покоях было практически несущественным. Если бы она захотела выйти незаметно, никто во дворце не смог бы её остановить.

Однако, возможно, была ещё одна причина — император чувствовал беспокойство из-за тайных действий Цзинь Ян и Цзян Байси в столице Циньюэ и рассчитывал на Чжансунь Циму, чтобы сдержать их.

— Сегодня я также побеспокоил старшую принцессу Цзинь. Ты можешь раньше отправиться в гостиницу для отдыха. Что касается дела драгоценной наложницы Ли, я обязательно разберусь! — с приветливостью сказал император Цзинь Ян.

Это было скрытым намёком на то, что дело драгоценной наложницы Ли — это внутреннее дело Циньюэ, и даже если Ули является её родственниками, они не могут вмешиваться. Цзинь Ян, с невозмутимым выражением лица, кивнула и первой вышла.

<http://bllate.org/book/16717/1536946>